

*Soda
Press*

MARISSA ELLER

JOINED
AT THE
JOINTS

МАРИССА ЭЛЛЕР

ДИАГНОЗ
НА
ДВОИХ

*Перевод с английского
Юлии Учаниной*

SODA PRESS
Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Э47

JOINED AT THE JOINTS
by Marissa Eller

First published by Holiday House Publishing, Inc., New York

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Эллер, Марисса.
Э47 Диагноз на двоих : [роман] / Марисса Эллер ; пер. с англ. Ю. Учаниной. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230586-3

Айви семнадцать, и кухня для нее — крепость. Здесь все под контролем: карточки с рецептами, идеально расставленные баночки со специями и ее безупречные блюда. А вот люди куда менее предсказуемы. У Айви ревматоидный артрит — редкое аутоиммунное заболевание, поэтому ее мир по большей части ограничивается домом и семьей.

Но однажды сестра уговаривает ее пойти в группу поддержки. Там она встречает Гранта — обаятельного парня с растрепанными волосами и теплой улыбкой. Ему знаком ее мир, потому что он живет с тем же диагнозом. Между ними вспыхивает искра, и впервые кухня перестает быть единственным убежищем Айви.

Только любовь не отменяет боли. Айви всю жизнь старалась выглядеть нормальной, скрывать усталость и страх, но с каждым днем делать это становится сложнее. Чтобы не потерять Гранта — и себя, — ей придется побороть тревожность, перестать прятаться и наконец-то открыться миру.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Text copyright © Marissa Eller, 2023
© Юлия Учанина, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026,

ISBN 978-5-04-230586-3

Soda Press

*Маме, папе и Грейсону — моей семье,
которая каким-то образом лучше книги*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 АВГУСТА, 17:51

Папа: Ты кричишь? Я слышу крики.

Айви: Просто телик смотрю.

Папа: Кулинарный канал?

Айви: Ага.

Она выбирает аппарат для приготовления мороженого. Ошибка новичка. Как она вообще дошла до раунда с десертами? Я ставила на нее, но она явно не знает, как вести игру.

— Игги? — зовет меня младший брат. Это прозвище дал мне папа, и Итан использует его, только когда ему что-то нужно.

— Я здесь! — кричу я в ответ.

Я весьма комфортно устроилась на диване под одеялом с подогревом и не собираюсь двигаться без крайней необходимости. Только если встанет вопрос жизни и смерти. Вчера я приняла свою еженедельную горсть химиотерапевтических препаратов и сейчас пребываю в муках, потому что действие лекарств с прошлой недели уже проходит, а вчерашних — только начинается. Тепло лишь слегка успокаивает мои воспаленные суставы.

Итан с грохотом заходит в комнату, и я не преувеличиваю — именно с грохотом. На нем почему-то бейсбольные шиповки. Он топает так, что может проломить пол. Даже

если нет, он лишает меня способности слышать, что этот шеф-повар делает с грушами сорта «Бартлетт», которые ему достались в корзине с ингредиентами для раунда с десертами. У моей бабушки был чудесный рецепт фруктового пирога. Я бы, наверное, его испекла.

Поскольку другая участница решила использовать аппарат для мороженого, я теперь ставлю на этого повара.

— Смотри, — говорит Итан, закидывая ногу мне на колени. — У меня новые шиповки.

— Замечательно. — Я сталкиваю его ногу, потому что, даже будучи совершенно новыми, кроссовки уже источают дивный аромат. Итан — тринадцатилетний мальчишка, и пахнет он соответствующе. Меня и так тошнит из-за иммунодепрессантов, а тут еще это амбре.

На экране моя бывшая фаворитка роняет ложку в аппарат для мороженого.

— Да ну на фиг, — вздыхаю я.

Ложка лязгает там, как монетки в сушильной машине. Так и знала, что готовить мороженое — ошибка. Всегда ошибка.

— Что смотришь? — спрашивает Итан. Он усаживается рядом со мной, положив новые шиповки на журнальный столик. Они ярко-зеленые и по-настоящему уродливые. Понятно, почему они ему так нравятся.

— «На куски!»*. Особый сезон, где корзины с продуктами продумывает Элтон Браун, и они все кошмарные. Это офигенно.

— Ты очень странная, — говорит Итан.

* «На куски!» — американское кулинарное телешоу, в котором каждому участнику нужно приготовить блюдо из необычного набора продуктов, доставшегося ему в корзине.

Программа прерывается на рекламу, и я наконец перевожу взгляд на брата. У него почему-то все лицо в грязи. Шиповки кристально чистые, а вот сам он выглядит черт-те как. Сегодня я почти не видела его, видимо, поэтому он такой чумазый. Если мы с сестрой не приглядываем за ним в те летние дни, когда родители на работе, он попадает в неприятности.

— Мама позволила тебе идти за шиповками в таком виде? — спрашиваю я, потому что знаю, что мама не разрешала. Пальцы так и чешутся смахнуть крошки грязи с декоративной подушки у него за спиной.

— Нет, мы сначала сходили в магазин, а потом на встречу с новыми тренерами. Один из них...

— Тихо. Шоу началось.

Итан замолкает, потому что знает, что это ради его же блага.

— А что такого ужасного в этих корзинах? — в конце концов спрашивает он, потому что говорить о программе ближе всего к молчанию, на которое он способен в долгосрочной перспективе.

Я смеюсь.

— В этой самое ужасное — ливермаш*. Его предложил фанат из Северной Каролины.

— Фу, гадость. — Итан в ужасе кривит лицо.

Вообще-то я не считаю блюда региональных кухонь отвратительными, но так как ливермаш — часть моей региональной кухни, могу подтвердить: он отвратительный. Меня тошнит от одной мысли о нем (или, может, опять

* Ливермаш — блюдо, распространенное в штате Северная Каролина, которое готовят из свиной печени, частей свиных голов, кукурузной муки и специй.

от таблеток). Беднягам приходится класть в свои десерты печень и бог знает что еще. Вот почему мне смешно, что участница решила приготовить мороженое. Я все еще расстроена. Я болела за нее.

Программа вновь прерывается на рекламу, и я поворачиваюсь к Итану.

— Так что там с тренерами? — Я не люблю разговаривать с людьми, но мой брат с сестрой от природы общительные, и мне нравится слушать об их личных видах хаоса.

— Один из них твой ровесник. Он, типа, реально хороший бейсболист или вроде того. Очень крутой.

— Почему мой ровесник работает тренером?

— Не знаю, он не говорил, я не спрашивал. Но он сказал, что ему нравятся мои новые шиповки и футболка с «Брэйвз»*, а еще учил нас скользить...**

— Учил вас скользить? Так вот откуда у тебя грязь на лице?

Итан кивает.

— А мама что про это сказала?

Мама — второй островок спокойствия в нашем суматошном доме.

— Ничего. Другой тренер разговаривал с родителями, пока мы были на поле. Когда она спросила, откуда грязь, я сказал, что упал.

— На лицо?

* «Атланта Брэйвз» — профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Атланте.

** Скольжение — действие игрока в бейсболе, при котором он на бегу падает на землю и скользит по направлению к базе, чтобы быстрее до нее добраться.

Он пожимает плечами. То, что он мог упасть на лицо, совсем не удивительно.

— Кажется, этот парень ничему хорошему не научит.

— Он еще и плохие слова говорил.

Я закатываю глаза и собираюсь спросить, какие именно, но реклама заканчивается. Судьи говорят Мороженщице, что у ее десерта металлический привкус, потому что она уронила ложку в аппарат, и, если уж на то пошло, основа для мороженого тоже не удалась. (Я это сразу поняла — она же добавила в мороженое ливермаш.) Ее дисквалифицируют.

— Так ты пришел рассказать мне про бейсбол? — спрашиваю я, потягиваясь и разминая одеревеневшие суставы. Я пытаюсь встать, но левое бедро и колено решают, что у них выходной от работы бедром и коленом, поэтому я усаживаюсь назад.

— Нет. Я собирался попросить тебя сделать лимонную курицу на ужин.

Лимон пахнет намного лучше, чем мой брат сейчас. Наверное, я смогла бы заняться готовкой при моем уровне тошноты.

— Ладно, но ты моешь посуду.

— Договорились.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВТОРНИК, 18 АВГУСТА, 16:32

Кэролайн: Можешь угомониться пжл? Я тут своих мыслей не слышу.

Айви: Отвянь.

Кэролайн: А что ты делаешь?

Айви: Бабушкин соус маринара.

Кэролайн: Забудь. Продолжай.

Я на кухне, как и всегда. Остальные домочадцы шатаются где-то рядом. Кто-нибудь скоро заглянет спросить, что я готовлю на ужин. Скорее всего, мама. Думаю, это она сейчас смотрит телевизор в гостиной: идут новости, и я слышу что-то про пробку на трассе I-85. В Шарлотте всегда пробка на I-85.

На секунду я перестаю нарезать лук; из-за тумана перед глазами кусочки выходят неровными. Я тру глаза рукавом своей изношенной черной футболки. Сегодня я чувствую себя лучше: меньше тошнит, суставам легче, а настроение хорошее, даже несмотря на слезы от лука.

— Как здесь вкусно пах... Стой, ты плачешь? — спрашивает мама, когда входит на кухню.

Она прислоняется к островку, за которым я работаю, и у нее на лице я замечаю тусклые розовые следы от декоративной подушки. Получается, новости она не смотрела — она их проспала.

Я показываю на нарезанные кусочки лука. На самом деле ужин пока ничем не пахнет; даже лук я еще не готовлю. Видимо, она чувствует запах из открытых баночек со специями. Я всегда так делаю — сначала открываю специи. Мне нравится их едва уловимый аромат. В моем воображении именно так пахнет на съемках кулинарных программ.

Мама садится за обеденный стол, а я кладу мелко нарезанный лук и большую порцию измельченного чеснока в мою любимую кастрюлю. Раздаются шипящие аплодисменты, потому что масло я довела до идеальной температуры. Нет ничего лучше этого звука.

— Как прошел твой день? — спрашивает мама.

Я думаю над ответом.

— Хорошо. Как обычно. — Очередной летний день. Спала совершенно точно слишком долго, делала совершенно точно слишком мало. Готовила. Смотрела по телевизору, как другие люди готовят. Конец. — Я начала смотреть старый сезон «Худшего повара в Америке». Один из участников пытался приготовить каре ягненка в микроволновке.

— Уверена, ты восприняла это как личное оскорбление, — замечает мама.

Так и есть, но я повеселилась. Плохая готовка для меня — лучший способ снять напряжение. Вспомнив об этом, я мысленно усмехаюсь.

— А как прошел твой день? — спрашиваю я, нарезая помидоры, чтобы закинуть их в кастрюлю.

У мамы самый разгар подготовки к новому учебному году. Она социальный педагог* и сейчас по уши в бумажной волоките и вступительных тестах. Я чувствую, как

* Социальный педагог — специалист, помогающий детям и подросткам справляться с социальными и образовательными трудностями.

на нее накатывает усталость. Даже отсюда заметно, как напряжены ее плечи.

— Видела бы ты мой кабинет! Он выглядит прямо как наша кухня, когда ты в ней похозяйничаешь. — Мама улыбается и проводит пальцами по лбу, будто пытаешься разгладить намечающиеся морщинки.

— Не знаю, о чем ты говоришь! Я всегда за собой убираю.

Чтобы наглядно это доказать, я смахиваю капли томатного сока, выпрыгнувшие из сверкающей серебристой кастрюли. И даже бабушкины карточки с рецептами отодвигаю подальше от опасной зоны.

Я помню их все наизусть, но они для меня больше чем просто слова, нацарапанные на потрепанной, пожелтевшей бумаге. Я бросила себе вызов: хочу сделать все бабушкины рецепты безглютеновыми, а значит, безопасными для всей семьи. Бабули давно с нами нет, а я уже много лет готовлю безглютеновые блюда, поэтому думала, что это будет легко, что за лето можно управиться. Но лето незаметно подходит к концу, а я все еще не адаптировала кучу рецептов.

— Вот бы за мной тоже кто-нибудь убрал, — вздыхает мама.

— Возьми завтра с собой Кэролайн. Ты же знаешь, у нее талант наводить порядок.

Только благодаря моей старшей сестре мы можем что-либо найти в доме, а кухня работает как на военном корабле. Или как в «Железном шеф-поваре»*. Кухни из «Железного шеф-повара» мне знакомы гораздо лучше корабельных.

* «Железный шеф-повар» — кулинарное телешоу, созданное в Японии в 1993 году, в котором шеф-повара соревнуются в приготовлении блюд с заданным «секретным» ингредиентом. Позднее формат получил популярность по всему миру, включая США.

— Кстати, о Кэролайн... — начинает мама.

Кэролайн собственной персоной появляется в дверях, одетая на выход. В смысле, не на выход в свет, а просто куда-то. В свет она выходила вчера вечером, хотя вчера был понедельник. Наверное, летом каждый день как выходной. Сдается мне, она была на свидании — она этого не говорила, но домой пришла после полуночи. Хотя я и счастлива на своей кухне, с ложками, поварешками и кулинарными книгами, в чем-то мне все равно хочется быть похожей на Кэролайн.

Я завидую ее непринужденности, ее уверенности в себе. У нее нет социальной тревожности — да и вообще какой-либо. Даже повязка на ее темно-рыжих волосах будто бы сверкает. Кэролайн во всем меня превосходит. Джинсы на ней сидят лучше. Разговаривает она свободнее. Она реально любит выходить на улицу. Не знаю почему, но любит. Мы такие разные — даже странно, что сестры.

Нас называют ирландскими близнецами. Не конкретно нас, а всех детей с небольшой разницей в возрасте. Хотя из-за рыжих волос и зеленых глаз мы и правда выглядим как ирландские близнецы.

— Да, кстати, обо мне. — Кэролайн улыбается. За семнадцать лет я поняла, что эта улыбка может значить только одно: сейчас у меня будут неприятности. Однажды она уговорила меня залезть вместе с ней на дерево и улыбалась тогда точно так же.

Я отворачиваюсь, пробую побулькивающий соус маринара и добавляю еще орегано. В бабушкином рецепте не сказано, сколько его нужно, — ей всегда подсказывало сердце. Я чуть было не хватаю кинзу вместо орегано, но Кэролайн из тех людей, кто считает, что кинза на вкус как мыло, так что еще чуть-чуть, и катастрофы было бы